

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 81'42:81'27
ББК Ш105.51+Ш100.621

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

М. Эдельман
США

Перевод с английского Н. А. Пром, Т. С. Лихачёвой

ЯЗЫК ИССЛЕДОВАНИЯ И ЯЗЫК ВЛАСТИ

АННОТАЦИЯ. Перевод главы из книги «*Политический язык: успех слова и провал политики*» («*Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail*», 1977). Политический язык серьезного исследования системно отличается от языка, служащего пропаганде лояльности к власти, в плане синтаксиса, грамматической завершенности и сложности. Хотя эти две формы («формальный» и «общий» языки) ежедневно употребляются одновременно, анализ их отдельных функций необходим для понимания взаимосвязи между языком и политическими убеждениями. Формальный язык осуществляет контроль над достоверностью или фальсификацией факта и исследованием инновационных возможностей рекомбинаций фактов и логических установок. Его основными формами в политике являются математические пропозиции, акцент на абстрактные процессы, осознанные усилия по восприятию действительности с точки зрения других людей, а также некоторые формы искусства. Общий язык реализуется, когда люди разделяют нормы и политическую лояльность. Данный языковой код подтверждает правильность устоявшихся убеждений и укрепляет структуры власти. К его менее очевидным формам относятся (1) термины, классифицирующие людей в соответствии с их уровнем компетентности или значимости, (2) термины, которые имплицитно определяют индентифицируют группу, чьи интересы противоречат интересам других групп, и (3) церемонии, ритуалы и официальные государственные процедуры. Эмпирическое сочетание двух форм языка усиливает экспрессивный потенциал обеих и создает закономерное и повторяющееся когнитивное смешение, препятствующее эффективной политической деятельности малоимущих.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: : языковые коды; язык власти; политическая лингвистика; функции языка; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мюррей Эдельман (1919—2001), магистр исторических наук (1942), доктор политических наук. Работал в Иллинойском университете (с 1948 г.), в Висконсинском университете в Мадисоне (с 1966 г.), с 1990 г. официально не работал.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ: Пром Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет; 400087, Россия, г. Волгоград, ул. Новороссийская, 16; e-mail: natalyaprom77@mail.ru.

Лихачёва Татьяна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный технический университет; 400005, Россия, г. Волгоград, ул. Коммунистическая, 34; e-mail: tatslix@gmail.com.

В этой главе рассматриваются имплицитные способы, с помощью которых термины, синтаксические конструкции и грамматические характеристики способствуют формированию политической лояльности, в то время как другие способы построения высказываний предполагают свободное исследование, скептицизм и экспериментирование. Одновременно к обоим видам языка постоянно прибегают в ходе общественных обсуждений и правительственных заседаний. Независимо от словарных значений слов, формы служат символами, которые обуславливают лояльность или скепсис. Их сочетание в реальном использовании часто помогает укрепить власть, порождая представление о том, что наука одобряет статусные различия, социальные нормы, а также существующую структуру распределения обязанностей.

Б. Бернштейн однажды ввел термины «формальный язык» и «общий язык», чтобы отличить языковые формы, которые связаны с явными различиями и модификаторами, от тех, которые стимулируют восприимчивость к определенной модели социального взаимодействия [Bernstein 1975]. Его дихотомия представляется целесообразной для анали-

за ряда *политических* (здесь и далее курсив автора. — прим. пер.) языковых форм, которые передают значения, не всегда понятные по структуре. Я отделяю общие политические конструкции языка, связанные с позицией скептического исследования, от тех, которые обуславливают позицию лояльности, будь то отношение к государственным органам или к другим организациям, в том числе политической оппозиции. При ознакомлении с этим анализом нужно иметь в виду, что различие между этими двумя основными стилями языка имеет *аналитическую* природу, а не эмпирическую, поскольку они объединены на практике. В заключительной части главы исследуется, как эмпирическое сочетание двух языковых форм влияет на политические убеждения и восприятие в реальных условиях.

Формальный язык

Формальный язык эксплицитно обращает внимание говорящего и аудитории на отдельные элементы пропозиции: правдоподобные заявления и их реализацию на практике, логические связи, их модификации и нагрузку, индивидуальные модификаторы, временные и пространственные отношения,

выражение эмоций, а также на возможности альтернативных концептуализаций для обобщения опыта. Осознанный акцент на этих элементах предусматривает два мыслительных процесса, которые затруднены при использовании общего языка: 1) непрерывную перепроверку достоверности как фактических, так и логических пропозиций и поиск наиболее адекватных пропозиций; 2) усилия по изучению инновационных возможностей рекомбинаций фактов, установок, выводов и сопутствующих эмоций, т. е. экспериментирование с когнитивными структурами. Интерес XX в. к иррациональному и нерациональному, по-видимому, заставляет нас занижать ту роль, которую осознанный скептицизм и целенаправленный поиск информации, противоречивой или нет, играют в формировании убеждений и представлений.

Математические пропозиции обладают явными признаками формального языка в чистом виде. Внимание сосредоточено на логических связях. Это обусловлено тем, что числа являются абстракциями содержания пропозиций, абстракциями, которые оставляют позади практически все содержание, идентифицирующее наблюдателя с определенными убеждениями и восприятием. Абстракция, по всей видимости, должна быть определяющей характеристикой формального языка (ряд увлекательных гипотез на эту тему см. в работе: [Langer 1962]).

Менее очевидная характеристика математического языка также имеет решающее значение и помогает нам идентифицировать другие варианты формального языка, которые играют определенную роль в политическом процессе. Проводя расчеты, математик осознанно тестирует возможности своего ума, зная, что когнитивные структуры, которые он строит, — это результат его собственных действий, а не объективный факт [Piaget 1971]. Эта форма сознания, присущая формальным языкам, в общих языках отсутствует и, как мы скоро увидим, даже считается вредной.

Если формальный язык имеет данные характеристики и функции, то какие нематематические формы он принимает в политике? Прежде всего, в той степени, в которой термины обозначают и анализируют политические процессы, — в отличие от характеристик личностей, проблем или институтов — они явно представляют собой абстракции и, как числа, равносильны задачам на испытание возможностей посредством рекомбинаций элементов и акцента на логических отношениях и модификаторах. Б. Бернштейн полагает, что процентное отношение существительных к глаголам может быть в общем

языке выше, чем в формальном языке, и предполагает, что, если это так, то первый «стремится подчеркнуть *вещи*, а не *процессы*» [Bernstein 1975: 44].

В политике широко распространены случаи особой ориентированности на процессы: исследование возможных последствий создания государственного органа с учетом профильной предметной области, профессиональной квалификации или функции; анализ относительной полезности косвенного или прямого регулирования цен и заработной платы; расчет оптимальной степени централизации государственной функции. Каждый такой анализ имеет, как правило, менее формальный характер, так как является менее абстрактным, чем полностью математический расчет; но степень абстракции достаточна для того, чтобы анализ мог быть в значительной степени формальным и отчасти не зависеть от «вещей», к которым он в конечном итоге будет применяться. Когнитивные структуры строятся на таких терминах, как «надбавка к цене», «действие по функции» и «диапазон контроля». То, что анализы таких процессов, относящихся к одной области политики, часто используются в качестве моделей с целью прогнозирования их вероятных последствий в другой области, свидетельствует о значительной степени формализации и абстракции. Примером является создание ведомств по функции, существенному вопросу или клиентской базе, а также последствия различной степени централизации.

Существует третий вид формального политического языка, реже применяемый в анализе государственной политики в явном виде и тем не менее широко используемый как гражданами, так и официальными лицами. Он опирается на сознательные усилия увидеть ситуацию с точки зрения других людей, чья повседневная жизнь включена в рассматриваемые ситуации. Этнометодологи пытаются делать это системно и более формально; но каждый должен стараться воспринимать действительность с позиций других, чтобы направлять свои собственные дальнейшие действия. Начальник полиции, который спрашивает себя, как возбужденная толпа будет реагировать, если он использует силу для подавления протеста; руководитель социальной службы, который спрашивает себя, может ли Организация по правам человека на социальное обеспечение упростить процедуру получения пособия и не спровоцирует ли это законодательные санкции со стороны консерваторов в конгрессе; рабочие, которые задают себе вопрос, получит ли их забастовка поддержку со стороны

общественного мнения или вызовет анти-профсоюзную реакцию, — все эти люди пытаются исследовать феноменологические миры других и сделать расчеты, основанные на терминах, соответствующих абстракциям из этих миров. К словам, обычно используемым в подобном контексте, относятся «напряжение», «посредничество», «отклонение», «раскол», «злость», «неопределенность», «двойственность», «призыв».

Это особо показательные формы политического исследования, поскольку оно осуществляется путем идентификации с другими, а не объективизации и отделения их от себя, так что наблюдатель находит условные факты, концепты и логические связи, которые он может рассматривать и делать свои расчеты. Сознательное признание того, что игра ума наблюдателя придает смысл тому, что он наблюдает, позволяет ему или ей мыслить умозрительно и абстрактно, снова и снова комбинируя элементы в новые когнитивные структуры, а затем проверять их полезность для интерпретации событий и поведения. Сам способ номинации и мышления обращает внимание на его предварительный характер, его постоянную потребность в тестировании или переформулировании.

В то же время терминология и синтаксис, отделяющие наблюдателя и его установки от того, что он изучает, склоняют его к формированию твердых убеждений, поскольку такие языковые формы описывают объекты наблюдения как нечто объективное, как «факт» для любого заслуживающего доверие наблюдателя (т. е. любого наблюдателя, который использует тот же язык и метод).

Формы искусства представляют собой еще одну разновидность формального языка, значение которого в формировании политических представлений редко признается, потому что едва ли есть общее понимание того, как искусство передает информацию и смысл. Блестящий анализ «демонстрационных форм» Сьюзен Лангер в этом отношении просто поражает, хотя их потенциал в рамках «эстетической теории» получил сдержанную оценку. С. Лангер показывает, что живопись, скульптура, танец, поэзия и музыка передают информацию и смысл, но делают это через отношения между их формальными элементами, а не через последовательные пропозиции экспозиционной прозы [Langer 1946]. Формы искусства учат свою аудиторию видеть новые значения в формальных отношениях в пространстве и времени, и они обеспечивают понимание эмоции и ее связи с формой (а не просто выражение эмоции). Художник и зритель могут рассматривать новые комби-

нации элементов и узнавать что-то о возможностях новых моделей, иначе говоря, о создании оригинальных когнитивных структур. Очевидно, что характеристиками формального языка являются абстракция, задача комбинировать новые формы независимо от их конкретного содержания, осознанное использование разума для создания новых возможностей и нового смысла.

Вместо того чтобы давать волю экспериментированию и игре ума, демонстрационные формы *сдерживают* их, укрепляя традиционные убеждения и принятие власти. Это, безусловно, их наиболее типичная политическая функция. Когда они используются, то вводят в действие общий, а не формальный язык. Все же искусство иногда служит в качестве формального политического языка, приводя людей к новому пониманию и к восприятию новых возможностей. Лучшие политические карикатуристы, такие как Оноре Домье и Дэвид Ливайн, разрушают общепринятые нормы и заставляют аудиторию менять привычные концепции, не прибегая к экспозиционной прозе. Удачное представление «партизанского театра» (жанр уличной политической сатиры в США. — прим. пер.) шестидесятых годов по эффекту и задачам было равноценно хорошей политической сатире. Политическое красноречие, которое возбуждает ум посредством неожиданных ассоциаций, — ораторское мастерство Цицерона, Линкольна, Брайана, Франклина Рузвельта — в этом смысле может быть классифицировано как искусство и как формальный язык, хотя оно, конечно, соединяется с демонстрационными формами и с общим языком.

Считается, что чувство, связанное с высвобождением политических форм искусства, берет начало в приятном возбуждении по поводу поиска и обнаружения идей и игры с абстракциями. Эмоцию не следует путать с логикой или восприятием. Подобно тому, как формальный язык точен в своих изложениях фактов и логических отношениях, а также в разграничении причин и следствий, он еще и эксплицитен в разграничении эмоций и осмысленных пропозиций. Общий язык, напротив, способствует тому, чтобы пользователь и его аудитория перепутали причины со следствиями и эмоцию со смыслом.

Насколько люди используют тот или иной формальный язык, настолько они находят удовлетворение в обнаружении требуемых данных и логических связей для того, чтобы понимать и действовать эффективно. Когнитивный диссонанс и ситуации конфликта являются частью поиска, и скорее стараются столкнуться с ними, чем избежать

их. Применение формального языка предполагает взвешивание противоречивых перспектив развития ситуации, учет представлений различных социальных групп о целях и опасностях, а также прогнозирование результатов альтернативных стратегий, поскольку эти процессы являются частью свободного исследования. Использовать формальный язык — значит осознавать тесную связь между тем, как кто-то думает, что он воспринимает и какие выводы будут сделаны.

Приведенная ниже выдержка из доклада *Национальной консультативной комиссии по гражданским беспорядкам* является примером довольно формального языка. Я выбрал именно эту иллюстрацию для того, чтобы противопоставить ее позже примеру употребления общего языка при обсуждении той же темы:

В то время как уровень рождаемости негров, после бурного роста вплоть до 1957 года, резко снизился в последнее десятилетие, показатели рождаемости белых снизились еще больше, в результате чего негритянские показатели в сравнении остались гораздо выше:

Живорожденных детей на 1000 женщин
Возраст 15—44

Год	Белые	Соотношение	
		черные	небелых к белым
1940	77,1	102,4	1,33
1957	117,4	163,4	1,39
1965	91,4	133,9	1,46

...доля негров в общей численности населения возросла с 10,0 % в 1950 году до 10,5 % в 1960 году и 11,1 % в 1966 году.

...Если эта тенденция сохранится, то к 1972 году один из восьми американцев будет негром [Report of... 1968: 238].

Всякий раз, когда предполагаемые направления деятельности описываются в терминах, которые выдвигают на первый план их проблематичный или неопределенный характер, вероятно, следует приветствовать любое относящееся к делу свидетельство, независимо от того, согласуется ли оно с другими доказательствами и предварительными выводами. Питер Сперлич показал, что многие люди ищут противоречивые данные в ходе принятия решения относительно того, как голосовать на выборах [Sperlich 1971]. Разумеется, государственные служащие, специалисты и граждане поступают аналогичным образом, когда рассматривают вопросы о том, где и когда строить школы, располагать отделения социального обеспечения и почтовые отделения, как планировать систему доставки почты, а также тысячи других вариантов проблем.

Очевидно, что ни один человек не мог бы долго обходиться без использования формального языка в той или иной степени, и тем более государство, поскольку решение проблем и эффективные меры были бы полностью принесены в жертву потребностям социального единства и власти. Но формальный язык всегда сосуществует с общим языком.

Общий язык

Люди могут общаться на общем языке, когда они в достаточной мере разделяют нормы и им не нужно четко договариваться об установках и значениях. Простые и иногда незаконченные предложения, нестандартный синтаксис, частое повторение небольшого числа идиоматических фраз, небольшое количество модификаторов, а также опора на саму неполноту изложения с целью продемонстрировать имплицитное взаимопонимание между докладчиком и аудиторией (Б. Бернштейн говорит о «симпатической циркулярности» [Bernstein 1975: 46]) — все это предполагает общие нормы, которые язык как отражает, так и усиливает. Язык Ричарда Никсона и его соратников на аудиозаписях Белого дома служит примером характеристик общего языка.

Вместо того чтобы извлечь формальные элементы, которые могут быть перераспределены для получения новых возможностей, общий язык подтверждает устоявшиеся убеждения и укрепляет структуру государственной власти или организации, в которой он используется. Именно на эту языковую форму прежде всего полагаются сторонники государственных режимов или организаций, чтобы продемонстрировать другим и самим себе, что они заслуживают содействия, чтобы минимизировать вину, вызвать эмоциональную поддержку государственного устройства, а также вселить подозрения в отношении альтернатив и людей, признаваемых враждебными. Б. Бернштейн говорит о том, что данная языковая форма «имеет тенденцию быть... „трудным“ языком», поскольку требует поведения соответствующей жесткости и препятствует вербализации нежных чувств и возможностям для обучения, присущим вербальному выражению нежных чувств [см.: Bernstein 1975: 48].

Общий язык имеет множество форм выражения в политической коммуникации. Ярким примером являются призывы к патриотизму и поддержке лидера и его или ее режима. Я сосредоточусь здесь на менее очевидных формах.

(1) *Термины, классифицирующие людей (индивидуально или по группам) в соответ-*

стви с уровнем их значимости, компетентности, патологии или власти. Достойные (недостойные) бедные (здесь — не оценочные наименования, а социологические термины. — прим. пер.), незаурядный интеллект или умственная отсталость, опытный дипломат, авторитарная личность, бизнесмен-общественник — все эти определения претендуют на то, чтобы быть дескриптивными терминами, основанными на наблюдениях или достоверных выводах из наблюдений. Тем не менее каждый из них заставляет без доказательств принять многое из того, что является спорным, неизвестным или ложным. Вряд ли является бесспорным, что старый или больной малоимущий однозначно относится к категории достойных бедных, а тот, кто не может найти работу или получает зарплату ниже прожиточного минимума, — к категории недостойных. В какой степени уровень интеллекта зависит от принадлежности к определенному социальному классу или культуре? Какая степень квалификации, приписываемой чиновнику, позволяет удостовериться в его полезности? Такие термины классифицируют людей по их предполагаемым достоинствам без учета сложных и противоречивых допущений, выводов, умолчаний, вероятности ошибок, а также альтернативных возможностей, существующих для тех, кто использует термины. Их применение в политической дискуссии препятствует сохранению критической позиции в отношении ментальных процессов наблюдателя и осторожности, считающихся отличительными чертами науки. Хотя подобные способы категоризации ближе к догмам, чем к науке, они порождают сложные когнитивные структуры в обществе, которое считает, что языковые формы являются точными и научными. Они оправдывают социальное неравенство тем, что оно якобы основывается на личных качествах: интеллекте, навыках, моральных принципах или здоровье.

Явным уроком этой формы общего языка является то, что нечеткость и неспособность различать причины, выводы и чувства могут характеризовать язык, который построен по правилам и претендует на точность. Анализ требует установить, являются ли утверждения несовершенновыми по форме и неполными по содержанию из-за неспособности быть четко сформулированными в отношении того, что принимается как должное, и, следовательно, заставляющими делать предварительные выводы, не совпадающие с установками. По этой причине внимание Б. Бернштейна к речевым формам, хотя и наводит на размышления, все же не позволяет про-

двинуться достаточно далеко в экспликации различий между общим и формальным языками. Тем не менее существует формальный анализ для этого варианта общего языка; он состоит в установлении неправомерного использования любого термина, который определяет уровень значимости человека или группы людей. Как в любом языке, словарный запас данного вида общего языка меняется в зависимости от социальной среды. Термины «wor», «nigger» и «dink» («итальяшка», «ниггер» и «узкоглазый») имеют коннотативное значение, указывающее на уровень значимости, при этом в качестве денотата используется этническая или национальная группа. Уточнения, выражающие замысел говорящих, не упоминаются, так как они указывают на то, с чем говорящие сталкиваться не желают. То же самое относится и к использованию форм общего языка в более образованных кругах.

Повседневные ссылки на термины такого рода помогают создать распространенное предубеждение относительно того, какие люди заслуживают поддержки, а кого необходимо контролировать. Хотя такие когнитивные процессы поддерживаются в большинстве законодательных и судебных решений, тонкость и сложность создания и функционирования соответствующих понятий в значительной степени избавляет их от критики, за исключением сравнительно небольшого круга скептиков и ученых.

(2) *Термины, которые имплицитно определяют ингруппу* (in-group, консолидированная группа в психологии. — прим. пер.), *чья интересы противоречат интересам других групп*. Записи заседаний Белого дома служат примером этой типичной формы общего языка. Характеристика союзников и врагов является имплицитной и не прямой (когда она эксплицитна, как например, при определении военной стратегии и тактики, используется формальный, а не общий язык) и реализуется посредством таких фраз, как «замалчивание», «раскрытие всей правды», упоминания надежности, легковёрности или враждебной позиции отдельных людей, использования слов типа «лояльность». Надо отметить, что это слово стало упоминаться администрацией Белого дома гораздо чаще с усилением оппозиции президенту Линдону Джонсону.

Термины подобного рода пронизывают повседневную речь влиятельных групп, активистов политических партий и социально-общественных движений, революционеров, деловых противников и представителей организованной преступности. При этом лексикон, естественно, варьируется в зависимо-

сти от исторического периода и культурного ареала. Увеличивая социальное давление, направленное на обеспечение лояльности и поддержки, а также усиливая восприятие чужих как угрозы, данные термины непрерывно создают и повышают межгрупповую враждебность. Использование этих терминов любой группой, а также провокационное поведение, которому они способствуют, вызывает их ответное использование другими группами, которые считаются противниками.

Подобные выражения еще более эффективно формируют и распространяют знания, поскольку, как и весь общий язык, ненавязчиво порождают представления, которые явно не выражаются и, следовательно, редко подвергаются сомнениям. Благодаря метафорам и метонимии поддерживается мнение о том, что ученые и банкиры — «враги». Отсутствие явно выраженных суждений способствует распространению имплицитного, но четкого представления о том, что предвыборные противники Никсона — враги государства; принятие этого факта как данности является проявлением лояльности общества по отношению к определенной политической группе.

Одной из самых значимых политических характеристик общих языков является то, что их использование во все более чистой форме становится сигналом для принятия в ингруппу. Предложения делаются все менее завершенными, а модификаторами явно пренебрегают. Поскольку все больше информации принимается на веру, без доказательств, предположения не оспариваются, групповые связи крепнут, а внешние группы воспринимаются как представляющие возросшую угрозу. Как правило, языковое выражение и психологические особенности отражают и усиливают друг друга.

Примером этого типа общего языка может служить фрагмент речи, произнесенной Стоукли Кармайклом 30 июля 1966 г. в Детройте:

Я несколько удивлен, что Линдон Бэйнс Джонсон, президент-расист, имеет наглость рисовать цветные линии и говорить про 90 процентов против 10 процентов — он так и сказал и рисовал цветные линии. И все хорошие белые люди не сказали ему: „Ха, Линдон, дело не в цвете“. Все они сказали: „Ну и что же вы собираетесь делать? Вас же всего 10 процентов“. Да, нас 10 процентов, брат, но мы стратегически расселились по всей твоей стране, и у нас есть черные братья во Вьетнаме (крики и аплодисменты). У нас есть черные братья в твоей армии, и хотя сейчас они, может, еще не проснулись, но, детка, если ты бу-

дешь издеваться над нами здесь, в этой стране, тебя ждет война во Вьетнаме (аплодисменты). Тебя ждет война во Вьетнаме (продолжительные аплодисменты).

[Scott 1969]

(3) *Демонстрационные формы, обосновывающие методы и практики.* Эстетические и другие невербальные демонстрационные формы могут выполнять функции формального языка, как указывалось ранее, но, являясь частью государственного процесса, они чаще всего используются в качестве общего языка, укрепляя традиционные мнения и усиливая одобрение социальных структур. Формальные мероприятия, условия и регламент, носящий ритуальный характер, явно прослеживаются на любом этапе государственного процесса, и мы привыкли считать, что они выполняют важную роль. Предвыборные кампании, законодательные и судебные процедуры, слушания по административным делам, встречи на высшем уровне и другие формы дипломатического взаимодействия, публичные выступления и официальные заявления чиновников и представителей влиятельных кругов — все они в значительной степени насыщены стилизованными и ритуальными элементами, которые обосновывают политические действия для широкой общественности. Формирование политики в основном осуществляется на языке, так густо пестрящем стилизованными формами, что и участники, и зрители обычно придают им важное значение; при этом невозможно понять весь смысл государственных процессов, не проводя аналитическое разграничение между формальным и общим языком. Выступление экономиста во время законодательных слушаний по программе социальной поддержки, вероятнее всего, будет довольно формальным по содержанию и сможет повлиять на политические решения, но условия, в которой его или ее слушают, относятся к демонстрационным формам, вызывающим общественную уверенность в тщательности и объективности данной процедуры. Часто в этом заключается единственная функция выступления, так как распространенной законодательной практикой является использование показаний эксперта в качестве «ширмы» для уже согласованных решений [Steiner, Gove 1961].

Символический смысл рутинных государственных процессов — служить формой волеизъявления народа через тщательное взвешивание потребностей заинтересованных групп и рациональный выбор, основанный на рекомендациях экспертов (я детально проанализировал эти проблемы в следу-

ющей работе: [Edelman 1964]). Публичная демонстрация следования установленному порядку выполняет успокаивающую функцию и сглаживает те аспекты политического курса государства, которые вызывают всеобщую тревогу: заключение сделок между влиятельными группами в ущерб непредставленным; некомпетентность или предвзятость экспертов и властей; вероятность ошибки, несправедливость, лишение прав, неравномерное распределение доходов и расходов.

Демонстрационные формы, проникая во все сферы государственного процесса, не всегда являются подлинным искусством и неодинаково эффективны в выражении символического смысла. Часть аудитории не согласилась, что слушания комитета под председательством сенатора Джозефа Маккарти в 1950-х годах легитимизировали его действия, хотя для большинства граждан этих слушаний было достаточно. Для сравнения: меткие высказывания Уинстона Черчилля во время Второй мировой войны значительно усилили чувство общности и преданность общим целям не только среди британцев, но и среди граждан всех стран-союзниц.

Эмпирическое сочетание формального и общего языков

Политические процессы обычно осуществляются с помощью языка, в котором переплетены характеристики формального и общего типов. Приведенные выше примеры указывают на то, что их сочетание в условиях одного контекста усиливает оба типа, поскольку лояльность к определенной социальной структуре возрастает при использовании общего языка и благодаря его презентации под видом рационального анализа. Вместе с тем вероятность поддержки исследования с выходом на новые возможности выше, если оно сопряжено со значимыми групповыми связями или патриотизмом.

Весьма заманчиво навешивать различные ярлыки, к примеру, «образованный» или «невежественный», в зависимости от того, как часто и насколько грамотно человек использует формальный язык. Поскольку две формы языка на практике редко используются отдельно, подобная распространенная форма категоризации является еще одним случаем спорного распределения людей по разным группам с точки зрения их значимости и компетентности, что, в свою очередь, является попыткой оправдать средства контроля над ними или над их назначением на важные руководящие должности.

Мы привыкли считать, что высокая степень формальности и рациональности присуща высказываниям образованных людей,

особенно если они используют речевую модель верхних слоев среднего класса, а простую речь рабочего класса и бедных слоев населения характеризуем как малограмотную и скудную. Очевидно, что подобная классификация подчеркивает неравное политическое влияние, связанное с социальным положением и уровнем образования. Хотя Б. Бернштейн подробно объясняет, что речевые модели рабочего класса не являются следствием ограниченности словарного запаса, а языковой код не зависит от диагностированного интеллекта, он тем не менее считает, что культура бедности, к которой принадлежат дети рабочего класса, обуславливает относительно низкий уровень абстрактного мышления. Он приходит к выводу, что дети рабочего класса используют языковой код, который ограничивает познание и развитие личности и ориентирует ребенка на социальный класс, к которому он принадлежит, и на необходимость соответствовать требованиям данного класса. Дети представителей среднего класса, напротив, осваивают как суженный, так и «расширенный» языковой код, причем последний позволяет им осмысливать более абстрактные понятия и развиваться более самостоятельно [Bernstein 1971].

Представляется сомнительным, что в своей теории Б. Бернштейн обоснованно исходит из системной связи между, с одной стороны, классовым уровнем, с другой — вербальной дискриминацией и способностью говорить на формальном языке. Уильям Лабов провел исследование речи чернокожих детей в городских гетто, которое показало, что, по-видимому, эти дети сталкиваются с такими же вербальными воздействиями, слышат столько же грамотно построенных предложений, так же активно участвуют в вербальной коммуникации, как и дети среднего класса. Кроме того, Лабов обнаружил, что городские чернокожие дети владеют таким же базовым словарным запасом и так же способны обобщать и логично излагать свои мысли, как любой человек, изучающий английский язык. Хотя частое употребление «нестандартного английского языка» может вызывать проблемы в школе или на работе, это никак не мешает развитию логического мышления, так как ни один тест пока еще не смог выявить различия между логикой стандартного и нестандартного английского языка [Labov 1970].

В связи с этим я считаю, что происходит ошибочное разграничение понятий формального и общего языка, когда отдельных личностей или целые классы людей относят к какой-либо категории. Данное разграниче-

ние полезно при анализе политического языка, так как это позволяет нам исследовать 1) когнитивные последствия взаимодействия двух языковых форм и 2) политические последствия проблемного восприятия, когда некоторые группы ограничены в способности логически рассуждать, а в иных обстоятельствах манипулировать символами, в то время как другие группы имеют такую возможность. Второй пункт был уже рассмотрен; он дает обоснование для того, чтобы контролировать людей, которые уже занимают ущемленное положение в социальной структуре.

Первый пункт представляется более запутанным и деликатным, так как политическое воздействие в результате смешения формального и общего языков можно выявить, только исследуя поведение людей в проблемных ситуациях для того, чтобы выдвинуть гипотезу о структуре их познавательной деятельности.

Рассмотрим несколько проблемных ситуаций. В тяжелые времена лидеры городских террористов делают заявления, которые вызывают шок у среднего класса: угрозы прибегнуть к террористическим актам (часто приводимые в действие) и убить лидеров оппозиции, а также призывы к насилию. Подобная риторика могла бы показаться близкой по своей модальности к общему языку. Для подобных выступлений, как правило, характерны короткие, незаконченные предложения, смешение причин и следствий для придания утверждениям категоричности, частые повторы идиоматических выражений, а также использование «симпатической циркулярности» среди сторонников движения, чтобы вызвать симпатии к той социальной структуре, которую террористы поддерживают.

Однако те, кто использует такие формы обращения, часто обнаруживают тактическую и стратегическую способность более высокого порядка, осознавая и применяя *стратегический* потенциал своего общего языка. К примеру, главная функция скандального использования эпатажной риторики заключается в том, чтобы спровоцировать бурную реакцию противников и тем самым оттолкнуть от них потенциальных сторонников. Когда ситуация становится достаточно напряженной и языковой код противоборствующих групп соответствует обстановке, напряжение непременно начнет нарастать, а конфронтация усиливаться. Когда подобное происходит, призывы к политике разрядки становятся слабее, а формальный компонент языка противоборствующих групп теряет важность. Следовательно, существует системная зависимость между эскалацией

конфликта и вероятностью широкой поддержки гибкой политики, основанной на установлении и преобразовании формальных элементов проблемной ситуации. С усилением конфронтации роль общего языка возрастает. В этом случае преданность существующей политической структуре и устоявшимся толкованиям создавшейся ситуации становится еще более жесткой.

Рассмотрим другой пример, когда экономисты и статистики, рассчитывая выгоды и затраты на альтернативные формы системы негативного подоходного налогообложения, используют формальный язык с математическими терминами и синтаксисом. Экономисты отличаются от компьютера, так как используют разнообразные языковые коды, вызывающие разную психологическую реакцию, поскольку им никогда не удастся придерживаться исключительно формального языка. Например, они могут объяснить свои расчеты тем, что система негативного подоходного налогообложения более эффективна для малоимущих, чем наделение чиновников полномочиями распределять социальные выплаты. При этом они отдадут себе отчет в том, что данное предложение является спорным, так как в некоторой степени опирается на невысказанные соображения и предпочтения, и усиливает роль экономистов по сравнению с социальными работниками. Использование формального языка не снижает их способность или мотивацию также использовать и общий язык. Обе языковые формы обычно реализуются одновременно, в особенности в процессе естественного или имплицитного общения.

Второй пример (о негативном подоходном налоге) потенциально более перспективен с точки зрения политического развития, чем первый случай (террористическая конфронтация). Здесь не так явно просматриваются будущий порядок действий и языковые стили. Мнения не так безапелляционны и эмоциональны, есть возможность для множественного осмысления и политических компромиссов, а фоновые экономические условия могут во многом меняться. Эти признаки проблемной ситуации явно означают, что формальный компонент языка в данном случае более важен, чем в первом примере. *Соответственно, именно признаки ситуации, а не способности вовлеченных в нее людей определяют значимость того или иного языкового стиля.* Данная системная связь лежит в основе политики.

Безусловно, существуют индивидуальные различия в умении формально говорить и думать. Они могут быть следствием фор-

мального образования, которое развивает определенные умения и навыки. В напряженных политических ситуациях люди, склонные к формальному мышлению, могут играть незначительную роль, в то время как в спокойных ситуациях их роль может существенно возрастать. Стоит, однако, отметить, что люди, испытывающие трудности при переходе с общего языка на формальный и наоборот, скорее относятся к исключениям. Такая нетипичность привлекает к ним внимание и обуславливает навешивание ярлыков, которые быстро вводятся во всеобщее употребление.

Люди и их роли

Несмотря на то, что обычно люди используют обе формы языка и мышления, при выполнении социальной роли в течение рабочего дня они лишены этой возможности. Типичные политические и деловые ситуации позволяют чиновникам, руководителям, экономистам, клиническим психологам, социальным работникам и другим «творцам политики» занимать ответственные должности до тех пор, пока они неукоснительно соблюдают установленные нормы и правила организации, в которой работают. Если при реализации программы товарных излишков приоритетными для Белого дома, комитетов конгресса по сельскому хозяйству и министра сельского хозяйства являются экономические интересы фермеров, а не малоимущих, то помощник министра сельского хозяйства, курирующий данную программу, назначается на должность, потому что разделяет эти приоритеты. Вполне предсказуемо он отправится в отставку, если его действия будут противоречить указанному курсу. Это касается и рядовых сотрудников ад-

министративного аппарата, хотя если они занимают одну из самых низших должностей, наказание может заключаться в отмене принятых ими решений и отказе в продвижении по службе. Свободные исследования могут быть существенно ограничены внутренними предписаниями организации, которые в редких случаях выражены эксплицитно, а в основном реализуются имплицитно через самостоятельный выбор, избирательный рекрутинг и продвижение по службе, а также широко распространенный бюрократический жаргон, который способствует «симпатической циркулярности» по отношению к принятым нормам и ценностям. В этом заключается главная функция административного жаргона любой бюрократической организации.

Языковые формы как символы

В любой спорной политической ситуации напряжение между скептицизмом и лояльностью составляет основу отношений людей к власти и претендентам на высокие должности. Характерными особенностями стиля политической дискуссии являются весомые аргументы и доказательства, влияющие на формирование отношения населения, повторы определенных синтаксических структур и псевдонаучных терминов, по всей видимости, вызывающих ассоциации либо с одобрением власти, либо с критической и исследовательской позицией. Хотя повседневный политический язык сочетает оба стиля, представляется возможным выделить характерные признаки каждого и гипотетически идентифицировать политическое влияние этих форм вместе и по отдельности на повседневный политический дискурс.

M. Edelman
USA

THE LANGUAGE OF INQUIRY AND THE LANGUAGE OF AUTHORITY

ABSTRACT. *This is a translation of a chapter from the book «Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail» by Murray Jacob Edelman, published in 1977. Political language of inquiry differs systematically from the language for loyalty to authority in respect to syntax, grammatical completeness and complexity. Though the two forms («formal» and «public» language) are intermixed in daily use, an analysis of their separate functions is necessary for understanding of the link between language and political beliefs. Formal language entails continuous effort at verification or falsification and exploration of the innovative possibilities of recombinations of facts and logical premises. Its chief forms in politics are mathematical propositions, focus upon abstract processes, selfconscious efforts to perceive from the perspectives of others, and some art forms. Public language occurs when people sufficiently share norms and political loyalties. It validates established beliefs and strengthens authority structures. Its less obvious forms include: (1) terms classifying people according to their level of competence or merit; (2) terms implicitly defining an in-group whose interests conflict with those of other groups; and (3) ceremonies, rituals, and formalized governmental procedures. The empirical combination of the two forms of language reinforces the evocative potency of both, but also creates cognitive confusions of a patterned and recurring kind that inhibit effective political action by the poor.*

KEYWORDS: *language code; language of power; political linguistics; language functions; political discourse.*

ABOUT THE AUTHOR: *Edelman Murray Jacob (1919—2001), Master's Degree in History (1942, University of Chicago), Ph. D. in Political Science (University of Illinois, 1948). University of Illinois (since 1948), University of Wisconsin — Madison (since 1966), retired in 1990.*

ABOUT THE TRANSLATORS: *Prom Natalya Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.*

Likhacheva Tatiana Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia.

REFERENCES

1. Bernstein Basil. *Class, Codes, and Control: Theoretical Studies Towards a Sociology of Language*. — New York : Schocken Books, 1975. P. 42—59.
2. Bernstein B. *Class, Codes, and Control*. Vol. I. Ch. 9. — London : Routledge and Kegan Paul, 1971.
3. Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Ch. 7. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1964.
4. Labov W. *The Logic of Nonstandard English // Language and Poverty* / ed. Frederick Williams. — Chicago : Markham, 1970. P. 153—189.
5. Langer Suzanne K. *Philosophical Sketches*. — London : Oxford Univ. Pr., 1962.
6. Langer Suzanne K. *Philosophy in a New Key*. — Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Pr., 1946.
7. Piaget J. *Structuralism*. — New York : Basic Books, 1971. P. 17—36.
8. *Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders*. — New York : Bantam Books, 1968. P. 238.
9. Scott Robert L., Brockriede Wayne (eds.). *The Rhetoric of Black Power*. — New York : Harper and Row, 1969. P. 86—87.
10. Sperlich Peter W. *Conflict and Harmony in Human Affairs: A Study of Cross-pressures and Political Behavior*. — Chicago : Rand McNally, 1971.
11. Steiner Gilbert Y., Gove Samuel K. *Legislative Politics in Illinois*. Ch. 4. — Urbana : Univ. of Illinois Pr., 1961.